

в том же сборнике, т. II, ч. 2, VIII, Книжная цензура. Л., 1785.¹

Вторую из этих статей Радищев переработал для своего «Повествования» раньше первой. Бекман пишет: «Уже за много столетий до изобретения книгопечатания запрещались книги правительством и предавались сожжению. Подобное часто случалось уже в древней Греции и в древнем Риме. В Афинах запрещены были писания Протагора и все списки их, собранные через глашатаев, были сожжены. В Риме по приказанию сената сожжены были писания Нумы, найденные в его могиле, потому что они были против введенной им религии. Когда во время общественных бедствий оробевший народ впадал в суеверие больше, чем казалось это благом правительству, отдавалось приказание, что все суеверные и гадательные книги должны быть доставлены претору. Это приказание часто повторялось, и император Август велел однажды сжечь более двух тысяч таких книг. При том же императоре осуждены были на сожжение непристойные писания Тита Лабиена, что, говорят, было первым примером такого рода. Как нечто страшное при том рассказывают, что немного лет спустя равным образом публично сожжены были писания тех, кто вызвали это мероприятие. Всю историю эту рассказывает Сенека ритор, а именно в предисловии к пятой или, как другие считают, к десятой книге *Контроверсий*».²

Как использовал Радищев эти строки? «Проходя протекшие времена и столетия, — говорит он, — мы везде обретаем терзающие черты власти, везде зрим силу, возникающую на истину,

¹ J o h. B e c k m a n n. Beiträge zur Geschichte der Erfindungen, I B., I St., X, S. 95—108 «Büchercensur. Aelteste Verordnung über die Büchercensur», zweite etwas verbesserte Ausgabe, L. 1783 (со ссылками на труды P ü t t e r «Der Büchernachdruck nach achten Grundsätzen des Rechts geprüft», 1774, и M e r c i e r. Supplement à l'histoire de l'imprimerie de Prosper Marchand, 1775) и в том же сборнике Bd. II, II St., VIII, S. 246—253, Büchercensur, L., 1785.

² «Schon viele Jahrhunderte vor Erfindung der Buchdruckerey sind Bücher von der Obrigkeit verbothen, auch zum Feuer verdammet worden. Schon im alten Griechenland und im alten Rom geschah solches oft. In Athen wurden die Schriften des Protagoræs verbothen und alle Abschriften desselben, die man durch die Ausrufer zusammen gebracht hatte, verbrant. In Rom wurden die Schriften des Numa, die in seinem Grabe gefunden waren, weil sie der von ihm eingeführten Religion zuwider waren, nach dem Befehle des Rathes verbrant. Als zur Zeit öffentlicher Unglücksfälle das bange Volk in Rom auf mehr Aberglauben als der Obrigkeit gut schien, verfiel, ward der Befehl gegeben, dass alle abergläubige und Wahrsager-bücher dem Prätor eingeliefert werden solten. Dieser Befehl ist oft wiederholet worden und Kayser Augustus liess solcher Bücher auf einmahl mehr als zweytausend verbrennen. Unter eben diesem Kayser wurden die anzüglichen Schriften des Tit. Labienus zum Feuer verdammet, welches das erste Beispiel dieser Art gewesen seyn soll. Als etwas sonderbares wird dabey erzählt, dass wenige Jahre nachher auch die Schriften derjenigen, welcher jenen Befehl ausgewürkt hatte, ebenfals öffentlich verbrant worden sind». Сюда относится значительно сокращенное Радищевым примечание: «Die ganze Geschichte erzählt Seneca der Redner und zwar in der Vorrede zum fünften, oder wie andere zählen, zum zehnten Buche der *Controversiarum*» и т. д.